

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. II *

Начитанный, начитанность

Смешанное двуязычие в структуре слова обнаруживается нередко не столько непосредственно морфологическим его составом, сколько отношением этого слова к другим словам из той же лексической, словопроизводственной цепи. Например, значение и строение слов *начитанный* и *начитанность* в русском языке мотивированы. И тем не менее эти слова несколько выпадают из живой системы русских грамматических соотношений (ср. отсутствие глагола *начитать* кого-нибудь и невозможность прямого соотнесения слова *начитанный* с глаголом *начитаться*).

Слова *начитанный*, *начитанность* возникли в русском литературном языке начала XIX в. Они пришли на смену архаическим церковнославянизмам *книгочий*, *книгочетство*. Так, в «Полном немецко-русском лексиконе, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленном, и изданном Обществом ученых людей» (СПб., 1798) указываются такие русские соответствия немецким словам *belesen* и *Belesenheit*: *Belesen adj.* и *adv.* «Книгочий, тот кто много читал. Ein belesener Mann, человек много книг читавший: от того die Belesenheit, *книгочетство, многочетство*» (стр. 229). Очевидно, в русском литературном языке конца XVIII в. слова *начитанный* и *начитанность* еще не укоренились.

Вместе с тем несомненно, что немецкие слова *belesen* и *Belesenheit* дали толчок к образованию соответствующих русских слов *начитанный* и *начитанность*. Таким образом, эти русские слова образованы посредством калькирования немецких *belesen*, *Belesenheit*. На то, что *начитанный* и *начитанность* — кальки, указывает и своеобразие их строя. *Начитанный* — не причастие страдательное от глагола *начитать*, а самостоятельно образованное отглагольное имя прилагательное.

А. С. Шишков ссылается на слово *начитанность* как на своеобразный неологизм карамзинского стиля. В «Рассуждении

* См. В. В. Виноградов. Историко-этимологические заметки [ч. I]. Сб. «Этимология». М., Изд.-во АН СССР, 1963, стр. 85—109.

о старом и новом слоге Российского языка» он упрекает новейших русских писателей в том, что они «не вникая в язык свой многих слов не знают, или по неупражнению своему в чтении книг своих почитают их обветшалыми, и делают на место оных новые слова сочиняя и спрягая их не по смыслу и разуму коренных знаменований оных, но по приучению слуха своего к чужим словам и объяснениям, как-то: *начитанность*, *картинное положение*, *письменный человек*, и тому подобные»¹. Ср. также: «*Обработанность—обдуманность—начитанность*. — Помилуйте! Долго ли нам так писать? Не уж ли мы в подлинну думаем, что язык наш будет в совершенстве, когда мы из всех глаголов без всякого размышления и разбора накропаем себе кучу имен?»².

В «Московском Меркурии» (1803, ч. 3, стр. 45) в качестве «новых слов, которыми ни один еще Русский Лексикон не украсил», указаны такие — среди индивидуальных неологизмов: «*Начитанность—сердечность—равносторонность* (вместо Политического равновесия)—*чинность—неписьменность* (вместо простомия)—*фигурность—изящная обдуманность—народодержавная догадка—соторжка—дввременной—кривотолчить—картины, списанные с случаев—портреты деяний героя—декламировать стихи в доль—коллекция славы—экспатриот... авторитет* (вместо авторства)». Но слова *начитанный*, *начитанность* очень быстро находят широкое признание, хотя и не попадают в переработанный «Словарь Академии Российской» (СПб., 1806—1822) и в «Общий церковно-славяно-российский словарь» П. Соколова (СПб., 1834).

В академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. слова *начитанный* и *начитанность* уже рассматриваются как общелитературные и общепризнанные:

«*Начитанность*, и, с, ж. Свойство начитанного: познания, приобретенные чтением.

Начитанный, ая, ое, — н, а, о, 1) прич. стр. гл. *начитать*. Он говорит не свое, а начитанное. 2) пр.(илаг. — В. В.). Много читавший, научившийся многому из книг. Он человек *начитанный*»³.

Всякому ясно, что под словом *начитанный* искусственно объединены две омонимические формы.

Слова *начитанный*, *начитанность* входят в норму русской литературной лексики не позднее 20—30-х годов XIX в.

У Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика»:

¹ А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1803, стр. 69.

² Там же, стр. 205—206.

³ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 2. Изд. 2, СПб., 1867, стр. 884—885.

«Однажды прочитал он мне прекрасный проект устройства гражданской и уголовной части, в котором было много ума, *начитанности*, наблюдательности»⁴.

В рецензии «Литературной газеты» от 24 февраля 1840 г. (№ 16) на «Мечты и звуки» — стихотворение Н. Н.[екрасова]: «Видно воображение в авторе, еще более видна *начитанность* лучших русских поэтов» (стр. 374).

Переживание

Отглагольные имена существительные на *-ние*, несмотря на сужение круга производящих глагольных основ (например, несмотря на все усиливающуюся пивелировку в них видовых и залоговых различий), сохранили свою продуктивную силу на протяжении всей истории русского литературного языка с XI—XII вв. до настоящего времени. И с особенной остротой в истории этих отглагольных имен наблюдаются процессы морфологического и семантического взаимодействия русских народных, славяно-книжных и западноевропейских языковых элементов. Многие имена существительные этого типа, сочетая в своей структуре народную русскую основу с старославянским суффиксом, крепко впитали в себя отражения функций соответствующих «эквивалентов» в лексике западноевропейских языков.

Слово *переживание* в современном русском языке выражает несколько значений⁵, и все они характерны для книжной речи и ее разных стилей.

1. Только в единственном числе. Действие по глаголу *пережить* — *пережить* в значении 'испытать какое-нибудь впечатление, ощущение'. *Переживание сильной боли. Переживание первого морского путешествия. «Прием переживания ролей в жизни требовал постоянного экспромта»*⁶.

2. В археологии и этнологии, этнографии: 'продукт или реликт пережитого прошлого, остаток старины, чего-нибудь устаревшего'; синоним *пережиток. Переживания мифологического мировоззрения. Переживания каменного века. Ср. франц. survivance.*

3. Психическое состояние, характеризующееся наличием каких-нибудь впечатлений, ощущений или эмоций, испытываемых, переживаемых кем-нибудь'. *Мучительные душевные переживания. Масса новых переживаний.* В области театроведения: 'внутреннее воспроизведение актером того психического состояния, которое

⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.-Л., «Academia», 1930, стр. 504.

⁵ «Толковый словарь русского языка». Под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1939, стр. 127—128.

⁶ К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве. М. «Academia». 1933, стр. 114.

предполагается у изображаемого персонажа'. *Игра с переживаниями*.

К. И. Чуковскому слово *переживания* казалось «ярко окрашенным позднейшей эпохой», типичным словом «декадентских девяностых годов»⁷.

Легко заметить, что значения слова *переживание* тесно связаны с значениями производящего глагола *пережить*—*переживать*. В слове *переживание* сплетаются смысловые ответвления двух (из числа четырех основных) значений и их оттенков глагола *пережить*—*переживать*.

Пережить—*переживать* обозначает:

1. *Кого—что*. 'Прожить дольше кого-нибудь—чего-нибудь, остаться существовать после кого-нибудь—чего-нибудь'.

У Пушкина в стихотворении «Брожу ли я...»:

... Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как *пережил* он век отцов.

Ср.: Я *пережил* свои желанья,
Я разлюбил свои мечты,
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Ср. *пережиток*, *переживание* во втором значении.

2. *Что*. 'Прожить, просуществовать какой-нибудь срок, время'. *Пережить голодное время*. *Пережить страшный период блокады*.

3. *Что*. 'Вынести, перетерпеть, найти в себе силы перенести, выдержать что-нибудь (несчастье, горе, бедствие)'. *Пережить тяжелое горе*. *Пережить удар судьбы*.

4. *Что*. 'Испытать какое-нибудь ощущение или впечатление'. *Я пережил много приключений*. *Как мало прожито—как много пережито!*

Чаще в форме несовершенного вида. 'Выражать в сценической игре предполагаемые психические состояния изображаемого персонажа, как бы непосредственно испытывая их, действительно ими заражаясь'.

У К. С. Станиславского в указанной выше книге: «*Пережить* или представиться *переживающим*—огромная разница, такая же, какая существует между естественным, органическим комизмом и внешним ломаньем шута. Я неискунно представлялся *переживающим* там, где Федотов органически *переживал*» (стр. 197); «Когда артист говорит: „Я сегодня в духе! Я в ударе!“, или „Я играю с наслаждением!“, или „Сегодня я *переживаю* роль“,— это значит, что он случайно находится в творческом состоянии» (стр. 527—528).

⁷ К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1941, стр. 64.

Два последних значения в глаголе *переживать*—*пережить* настолько органически, настолько тесно связаны, что в них необходимо видеть разросшиеся и разошедшиеся ветви одного общего семантического ствола. На них и опираются основные значения слова *переживание*.

Слово *переживание* не отмечалось ни одним словарем русского языка до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Это обстоятельство находится в связи с тем, что соответствующие значения до этого времени не были ярко выражены—частью они еще вовсе не определились, частью же не были активны и в глаголе *пережить*. В «Словаре Академии Российской» глагол *переживать*—*пережить* определяется так:

«1) Продолжать жить долее других или препровождать где известное время. *Иногда старики молодых переживают. Больной едва ли день переживет.* 2) Жить во многих домах или у многих людей во услужении. *В доме у него много жильцов пережило. У многих хозяев пережил прикащиком.*

Пережить нужду, нещастие, беду. Перенести, перетерпеть. *Я не думал пережить своего нещастья*»⁸.

Таким образом, фразеологически связанное значение глагола *пережить* 'перенести, перетерпеть' не выделяется как значение особое, самостоятельное. Очерчивается лишь основной круг его фразеологического употребления.

Никаких производных слов от той же основы не указано.

Академический «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. ограничивается указанием двух основных свободных значений глагола *переживать*—*пережить*:

«1. Жить долее других, или долее чего-либо. *Не дай бог пережить милых сердцу. Пережить свое нещастие.*

2. Пожить во многих местах. *Пережил во всех улицах города*»⁹. Фразеология, относящаяся к значению 'перенести, претерпеть', устранена. Очевидно, соответствующие выражения считались не очень употребительными. Они были вытесняемы синонимическими фразами: испытать *нечастие, нужду, беду* и т. п.; ср. *питать горе, надежду* и т. п.

Но в академическом словаре 1847 г. указаны такие производные имена существительные разговорной речи, связанные с глаголом *пережить*:

«*Переживка, и, с. ж.* и *Пережив, а, с. м.* Прожитие долее условного времени; просрочка. *Приплатить работнику за переживку*»; ср. «*Пережиточный, ая, ое, пр.* Относительный к тому, кто переживает других. *Пережиточная запись*»¹⁰.

⁸ «Словарь Академии Российской», ч. IV. СПб., 1822, стр. 900.

⁹ «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. 3. СПб., 1847.

¹⁰ Там же.

Слова *переживание* и *пережиток* не приведены, хотя существование последнего слова уже предполагается формой имени прилагательного *пережиточный*.

В «Толковом словаре» В. И. Даля у глагола *переживать* — *пережить* (кроме значения 'жить долее других, долее чего-либо') отмечается значение: «Испытать, видеть, перенести многое на веку своем... *Не чаяла я пережить этого бедствия... Переживи-ка с мое, не то скажешь*»¹¹.

Таким образом, в 30—50-х годах XIX в. глагол *переживать* получает более широкое значение — 'испытывать, переносить'. Ср. у И. А. Гончарова в заметках «Намерения, задачи и идеи романа „Обрыв“» (1870—1872 гг.): «Россия *переживает* теперь великую эпоху реформ»¹².

У Герцена в «Былом и думах» (ч. 4, гл. XXV): «Я думаю даже, что человек, не *переживший* „Феноменологии“ Гегеля и „Противоречий общественной экономии“ Прудона, не перешедший через этот горн и этот закон, не полон, не современен».

На основе этого нового употребления глагола *пережить* — *переживать* около середины XIX в. укрепляется производное слово *переживание* для обозначения действия по глаголу *пережить* — *переживать* и состояния по глаголу *переживаться*. Это значение слова *переживанье* и отмечено в «Толковом словаре» Даля.

У Ф. М. Достоевского в статье «Г-бов и вопрос об искусстве» (1861): «Вследствие петровской реформы, вследствие нашего усиленного *переживания* вдруг многих разнообразных жизней, вследствие инстинкта всежизненности, и творчество наше должно было проявиться у нас так характерно, так особенно, как ни в каком народе»¹³.

В 60—70-х годах XIX в. слово *переживание* начинает применяться безъобъектно как психологический термин. Укрепляется же это употребление только в последние десятилетия XIX в. В начале XX в. оно переходит и в сферу теории сценического искусства.

Ср. у В. В. Вересаева в статье «Н. К. Михайловский»: «Теперь перечитывал (повесть «Без дороги». — В. В.) и с отчаянием ощущал: нет, — живо; даны подлинные, свои *переживания*; многое выражено сильно»¹⁴.

У К. С. Станиславского в книге «Моя жизнь в искусстве»: «Воспоминания о более поздних детских чувствованиях еще ярче врезались в душу. Они относятся к области артистиче-

¹¹ Даль² III, стр. 48—49.

¹² «Русские писатели о литературе», т. I. Л., 1939, стр. 379.

¹³ Там же, т. II, стр. 164.

¹⁴ В. В. Вересаев. Воспоминания. М., 1936, стр. 387.

ских потребностей и переживаний» (стр. 24). «Я лишь внешне копировал результаты чужого переживания: пыжился и физически напрягался» (стр. 160). «Технические приемы игры толкали меня к правде, а ощущение правды — лучший возбудитель чувства, переживания, воображения и творчества» (стр. 212).

«Трудно было бы создавать на сцене внутреннюю правду, правду чувств и переживания, среди внешней навязчивой и грубой театральной лжи» (395).

В 70—80-х годах распространяется употребление слова *переживание* в значении 'пережиток, реликт старины'. Это значение слова *переживание* очень часто встречается в этнографических журналах 80—90-х годов XIX в.¹⁵ Тут, очевидно, сказалось влияние и франц. *survivance*, и англ. *survival*.

В труде Тейлора «Первобытная культура» (1871) была разработана и выдвинута на первый план теория культурных *переживаний*.

В рассказе П. А. Брюлова о разговоре с Достоевским, относящемся к 1870-м годам (сообщено его сыном): «— „Фауст“ Гете? это только переживание книги Иова... — Позвольте, возразил мой отец, но в таком случае и Сикстинская Мадонна есть тоже переживание античности, античного представления красоты»¹⁶.

По-видимому, в 80—90-е годы укрепляется в русском литературном языке и слово *пережиток*, не отмеченное ни одним словарем русского литературного языка до бодуэновских дополнений к словарю Даля и до словаря П. Е. Стояна¹⁷: «*пережиток* — устарелый обычай, устаревший обряд, след древности в нравах»).

Проф. Бодуэн де Куртене посвятил слову *пережиток* в «Толковом словаре» В. И. Даля такую тонкую и глубокую статью: «*Пережиток, итка*, м. в науках биологических и психосоциальных, остаток старины, часть тела, обычай и т. п., не оправдываемые настоящими потребностями, а находящие себе причинное оправдание в прошлом, польск. *przeżytek*; немецк. *das Überlebende*, англ. *survival*»¹⁸.

Таким образом, слово *переживание* в 80-х годах XIX в. стало употребляться в том же значении, что и слово *пережиток*.

¹⁵ Ср., например, в журн. «Этнографическое обозрение» (М., 1895, № 1, стр. 94): «культурное переживание».

¹⁶ В. Е. Чешихин-Ветринский. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах, ч. I. М., 1923, стр. 151.

¹⁷ См.: П. Е. Стоян. Малый толковый словарь русского языка, 3-е изд. 1916, стр. 39.

¹⁸ Даль в 4 III, стр. 127—128.

Слово *интеллигенция* в значении, близком к современному, появляется в русском литературном языке 50—60-х годов XIX столетия. В. И. Даль помещает это слово в «Толковый словарь живого великорусского языка», объясняя его таким образом: «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»¹⁹. Прилагательного *интеллигентный* Даль не указывает. Очевидно, оно в 60—70-х годах еще не получило особенно широкого распространения. Слово *интеллигент* также Далем не отмечено.

Есть основания предполагать, что слово *интеллигент* укрепилось в русском языке еще позднее, чем прилагательное *интеллигентный*, и во всяком случае не ранее 70—80-х годов.

В 1890 г. Ив. Желтов в заметке «Иноязычие в русском языке»²⁰ писал: «Помимо бесчисленных глаголов иноземного происхождения с окончанием -ировать, наводнивших нашу повременную печать, особенно одолели и до тошноты опротивели слова: интеллигенция, интеллигентный и даже *чудовищное имя существительное* (курсив мой. — В. В.) — *интеллигент*, как будто что-то особенно высокое и недосыгаемое. Случается даже встречать: сельская интеллигенция!...

В известном смысле, впрочем, эти выражения обозначают действительно понятия новые, ибо „интеллигенция“ и „интеллигентов“ у нас прежде не бывало. У нас были люди ученые, затем люди образованные, наконец, хотя и не ученые и не образованные, но все-таки умные. „Интеллигенция“ же и „интеллигент“ не означают ни того, ни другого, ни третьего. Всякий недоучка, нахватавшийся новомодных оборотов и слов, зачистую даже и круглый дурак, затвердивший таковые выражения, считается у нас „интеллигентом“, а совокупность их „интеллигенцией“»²¹.

И. С. Тургенев вкладывает слово *интеллигенция* в уста интеллигента в «Странной истории» (1869) и сопровождает его комментариями повествования. Видно, что в разговорной речи слово *интеллигенция* тогда было еще новинкой: «„Послезавтра в дворянском собрании большой бал, советую съездить: здесь не без красавиц. Ну, и всю нашу *интеллигенцию* вы увидите“.

Мой знакомый, как человек, некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения ученые. Он произносил их с иронией, но и с уважением».

С 60-х годов начинает распространяться и прилагательное *интеллигентный* в значении «осмысленный, с развитым интеллектом». У В. П. Боткина в письме к И. С. Тургеневу (от 6 июня

¹⁹ Даль² II, стр. 46.

²⁰ «Филологические записки», вып. IV—V. Воронеж, 1890, стр. 2.

²¹ Там же, стр. 3.

1863 г.): «Великая перемена совершилась в русском обществе — даже физиономии изменились, — и особенно изменились физиономии солдат — представь — человечески *интеллигентными* сделались»²².

В очерке Тургенева «Пэгаз» (1871): «Собака стала болезненнее, перевознее, ее годы сократились, но она стала *интеллигентнее*, впечатлительнее и сообразительнее; ее кругозор расширился».

До 50—60-х годов XIX в. слово *интеллигенция* употреблялось в значении 'разумность, сознание, деятельность рассудка'. Слово *разумность* для перевода лат. *intelligentia* было предложено В. К. Тредьяковским еще в 30-х годах XVIII в. По-видимому, употребление слова *интеллигенция* в русском литературном языке с значением 'разумное постижение действительности' укрепились в философском лексиконе 20—30-х годов XIX в.

Проф. А. Галич в своем «Опыте философского словаря», напечатанном в приложении к сочинению «История философских систем» (ч. I и II, 1818), так объясняет термин *интеллигенция*: «*Интеллигенция, разумный дух*» (ч. II, стр. 321).

Позднее Н. П. Огарев в письме (1850 г.) к Грановскому пишет: «Какой-то субъект с гигантской *интеллигенцией* рассказал, что жена моя говорит, что вы — друзья мои — меня разорили! И вместо того, чтобы обратиться ко мне с запросом (если уж духа не хватало рассердиться на клевету), вместо того обвиненье субъекта с гигантской *интеллигенцией* было принято за аксиому»²³.

В Дневнике В. Ф. Одоевского: «Милютин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на медведя, правда — но с которым человек, одаренный умом (т. е. поляк), всегда может справиться посредством своей *интеллигенции*. Надобно их уверить, что и москаль не лишен *интеллигенции*» (1865)²⁴.

Ср. в статье В. Храневича «Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка»²⁵ о 50—60-х годах XIX в.: «Нужно иметь в виду, что слова „*интеллигенция*“, „*интеллигент*“, „*интеллигентный*“ еще не вошли тогда в обиход русской литературы, и потому Достоевский (в „Записках из Мертвого дома“. — В. В.) по необходимости пользовался общеупотребительным, всем понятным словом „дворянин“, тем более, что в то время

²² В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 177.

²³ «Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы», т. 4. М., 1917, стр. 113 и 126. Ср.: Я. З. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М.—Л., «Academia», 1933, стр. 163.

²⁴ «Литературное наследство» 1935, № 22—24, стр. 198.

²⁵ «Русская старина» 1910, март, стр. 608.

слова „дворянин“ и человек „образованный“ были почти синонимы».

Слово *интеллигенция* в собирательном значении ‘общественный слой образованных людей, людей умственного труда’ в польском языке укрепилось раньше, чем в русском (ср. франц. *les intellectuels*). Поэтому есть мнение, что в новом значении это слово попало в русский язык из польского. Так, Б. Маркевич в своих мемуарных очерках «Из прожитых дней». (3. На юге в сороковых годах) писал: «В Москве... сказывалась... духовная жизнь, благодаря... благотворному влиянию тогдашнего университета и той дворянской, образованной и независимой по средствам и духу среде, в которой слагалась тогда ее *интеллигенция* (употребляю здесь термин, тогда еще не выдуманный, или, вернее, не заимствованный еще тогда русской печатью у польской)». Михельсон также признавал слово *интеллигенция* заимствованием из польского. Устная традиция связывает первое употребление слова *интеллигенция* в языке художественной литературы с именем П. Д. Боборыкина.

У Салтыкова-Щедрина в «Пошехонских рассказах»: «*Интеллигенцией* смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс педоумка».

У Б. М. Маркевича в романе «Бездна»: «У вас в Петербурге „*интеллигенция*“; mein Liebchen, was willst du noch mehr?».

У Г. И. Успенского в очерке «Бог грехам терпит. Деревенская молодежь»: «Пора дать дорогу — не скажу уже готовой, „настоящей“ *интеллигенции*, а хотя тем вопросам общественного блага, которые могут образовать эту настоящую *интеллигенцию*. Да, еще „образовать“ ее надобно — так она слаба, не уверена в себе, во всех тех видах, которые доступны ей в настоящем»²⁶.

Ср. в статье В. Вересаева «О Качалове»: «Наша русская *интеллигенция*, настолько характерная, что дала иностранным языкам специфическое слово «*intelligentsia*» (в транскрипции русского слова)...»²⁷

Пресловутый

Б. Китерман в своей известной статье «Эмоциональный смысл слова» писал: «В жизни народов нередко наблюдается — и это имеет для исследователя истории цивилизации не малый интерес — факт изменения эмоционального содержания слова,

²⁶ Приведенные примеры из указанных работ Б. М. Маркевича, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского даны по книге М. И. Михельсона «Русская мысль и речь», т. I. СПб., 1897, стр. 377.

²⁷ В. В. Вересаев. О Качалове. — «Литературная газета» от 10 февраля (№ 7/1118) 1945 г., стр. 3.

эмоциональная переоценка слова, влекущая за собой изменение и этической и эстетической ценности его: то, что раньше служило выражением одобрительным, высоким, обозначением положительного характера, то может под влиянием различных социальных, культурных и политических переживаний сделаться обозначением низким, не одобрительным, получить отрицательную этическую или эстетическую ценность и обратно»²⁸. В истории славянизмов на русской почве такие экспрессивные превращения особенно своеобразны.

Слово *пресловутый* в современном русском языке значит 'приобретший печальную известность, «знаменитый» в кавычках, пользующийся дурной славой, дурной репутацией'. Оно употребляется лишь с оттенком иронии и осуждения и свойственно преимущественно стилям книжного языка. Это слово представляет собой старое книжное образование. В «Материалах для словаря древнерусского языка» указаны лишь старославянские образования: *пресловый* и *пресловущий* со значением 'славный, знаменитый, почитаемый, прославляемый'. Например, в Минее 1096 г. (окт.): *пресловый* Вакхе; в Минее праздничной XII в.: Павле *пресловущий*; в Житии Стефана Пермского: *В пресловущем* граде Москве. Таким образом, слова *пресловый*, *пресловущий* входили в традиционную книжную формулу величания, прославления²⁹. С другой стороны, известны народные восточнославянские образования от основы *слов* с суффиксом *-ут*: например, в «Слове о полку Игореве»: О Днепре *словутицу* (т. е. потомок словута, знаменитый, славный); в Ипатьевской летописи (под 6749 г.): *Словутъного* пѣвца Митусу... раздраного... приведоша³⁰.

Словутый образовано с помощью суффикса *-qt(-ym-)* от глагольной основы (ср. *pe(в)-ym-*; чеш. *tekutý, běhutý, mohutný*; ст.-слав. могѣтъ)³¹. Слово *словутый* является дальнейшим суффиксальным (суффикс *-ьн-*) осложнением имени прилагательного *словутый*.

Таким образом, слово *пресловутый* представляет собой своеобразное, очень старое книжное образование, составленное из приставки *пре-* и имени прилагательного *-словутый* (ср. старославянское причастное образование *пресловущий*). Этимологический состав этого слова был не вполне ясен уже в XVIII в.

Слово *пресловутый* дошло до XVIII в. и было включено в лексическую систему высокого словенского слога, хотя и с оттенком архаичности. В «Словаре Академии Российской» находим: «Пресловутость, -сти. Знаменитость. Пресловутый, тая,

²⁸ ЖМНП 1909, январь, стр. 173.

²⁹ Срезневский II, стр. 1691—1692.

³⁰ Там же, III, стр. 421.

³¹ См.: Б. М. Ляпунов. Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского. — «Известия ОРЯС АН», т. XXX, 1925, стр. 12.

тое, пресловут, а, о, пр. Сл. Преславный, презнаменитый. *Иже у нас целомудрием пресловутый*. Эсфирь, 3.13. *Пресловутые подвиги*³². По-видимому, слово *пресловутый* уже во второй половине XVIII в. носило некоторый отпечаток церковности. Во всяком случае в «Церковном словаре» П. А. Алексева это слово помещено и определяется так: «преизящный, преславный»³³.

Е. Станкевич в «Рассуждении о русском языке» (СПб., 1808, ч. II, стр. 22) писал об этом слове: «Другие слова стали нам темными потому, что не знаем их корней, а иные производим не от тех, от коих произошли они. К последним можно причислить прилагательное *пресловутый*, истолкованное в церковном словаре (т. е. в «Церковном словаре» П. А. Алексева. — В. В.) (да и многими так понимаемое), *преизящный*, *преславный*; . . . однако . . . корень оного не есть *слава*, *славный*. . . но *слово*. Следовательно *пресловутый* не значит *преславный*, но *прослывший*, сделавшийся *известным*, отличным в народе. . .»

Все же в XVIII в. слово *пресловутый* не выходило за пределы литературно-языковой системы, будучи принадлежностью высокого слога, выражало старинное патетическое значение 'преславный, презнаменитый'. Например, *пресловутые подвиги*³⁴. По-видимому, эта же возвышенная, важная окраска сохранялась в слове *пресловутый* и в литературных стилях первой трети XIX в., хотя *пресловутый* в это время уже целиком воспринималось как церковно-книжный архаизм. Во всяком случае в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847 г., 2-е изд.) *пресловутый* квалифицировалось как церковное, т. е. как устарелое слово и определялось так: «известный и знаменитый». Характерно, что иллюстрация приводилась из той же библейской книги «Эсфирь» (III, 13): «Иже у нас целомудрием *пресловутый*. . . Аман». Очевидно, что до середины XIX в. *пресловутый* считалось в числе архаических выражений старинного церковного слога или высокого стиля классицизма.

Ср. у Тютчева:

Там, где горы убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи³⁵.

³² «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.

³³ «Церковный словарь» П. Алексева, ч. II, 1794, стр. 368.

³⁴ См. «Словарь Академии Российской», ч. V. СПб., 1822, стр. 237—238.

³⁵ Характерен комментарий проф. Р. Ф. Брандта к этим стихам: «Тот же хронологический вопрос возникает насчет слова „*пресловутый*“, звучащего теперь прямо комично, но смело употребленного Тютчевым, тогда как можно было сказать „знаменитый“ или „многославный“» («Материалы для исследования „Ф. И. Тютчев и его поэзия“». — «Известия ОРЯС АН» 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 36—37).

Но в публицистическом языке второй половины XIX в. слово *пресловутый* возрождается, становится живым, употребительным и приобретает ироническую, презрительную окраску (так же, как и многие другие архаические церковнославянизмы). Его значение получает резко отрицательный, уничижительный оттенок: 'приобретший отрицательную или сомнительную известность, славу', 'вызвавший шумные, но скандальные толки'; например, *пресловутый* чудотворец³⁶.

Этот экспрессивный сдвиг еще не был общепризнан в литературном языке 40—50-х годов XIX в., хотя уже очень ясно обозначался в это время.

В «Русском Жилблазе» Генн. Симоновского: «Ученый прислал мне полновесную Историю — творение, наделавшее много шуму (*не из пустяков ли?*) и самое *пресловутое*»³⁷.

У Ап. Григорьева в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»: «На меня весьма малое впечатление произвел, например, „Айвенго“, и я не обинуясь скажу, что насчет сказочного интереса *пресловутый* роман этот весьма уступит сказкам Дюма»³⁸.

У Тургенева в «Воспоминаниях о Белинском»: «Аргумент о преимуществе настоящего яблока перед написанным уже потому на него бы не подействовал, что этот *пресловутый* аргумент лишается всякой силы, как только мы возьмем человека сытого»³⁹. У него же в статье «Гоголь»: «Но в то время только что появилась — в одном заграничном издании — статья Искандера, в которой он, по поводу *пресловутой* „Переписки“, упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений»⁴⁰.

Истошный [голос]

Среди областных народных слов, бытующих в словаре русского литературного языка, есть бывшие книжно-славянизмы. Их не всегда сразу узнаешь, так как некоторые из них подверглись морфологической деформации. Таково, например, слово *истошный*.

В рассказе И. А. Куцевского «Новый солдат» (в речи солдатской женки Матрены Дмитриевой): «Ребенок *истошно* кричит — умирает»⁴¹.

В современной разговорной речи нередко употребляется вы-

³⁶ Ср. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 750.

³⁷ Генн. Симоновский. Русский Жилблаз, ч. 2. М., 1832, стр. 137.

³⁸ Ап. Григорьев. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 155.

³⁹ И. С. Тургенев. Сочинения, ч. I. М., 1869, стр. XLIX.

⁴⁰ Там же, стр. LXXII.

⁴¹ И. А. Куцевский. Неизданные рассказы. СПб., 1882, стр. 52.

ражение *истошный* голос: вопить, кричать *истошным* голосом. В этом контексте *истошный* обозначает 'отчаянный, дикий'. Вообще же говоря, слово *истошный* современному языку чуждо. Оно является лишь компонентом фразеологического сращения *истошный* голос. Звуковой облик формы *истошный* связывает ее с живой народной, и притом московской или замосковной, южно-великорусской речью. В книжном стиле это слово произносилось бы *источный*. В «Толковом словаре» В. И. Даля это выражение помещено в гнезде, связанном с глаголом *истекать* — *истечь*: «*Истóчный*, истекающий, к истеку, истоку относящийся. *Истóчная* вода, ключевая, родниковая, живцóвая. *Кричат* *истóчным* голосом или в *источный* голос, *моск.*, смб. диким, отчаянным, последним, предсмертным, благим матом; ошибочно *высточным*»⁴². Таким образом, до половины XIX в. выражение *источный* голос расценивалось как народно-областное. И действительно: оно не нашло себе места ни в «Словарях Академии Российской», ни в академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. Очевидно, оно еще не имело общего распространения в живой устной речи, еще не было общеразговорным. Оно было вмещено сначала в «Опыт областного великорусского словаря»: «*Истóчный*, ая, ое, пр. Дикий, необыкновенный. *Источный* голос. *Моск. Верейск*»⁴³.

Между тем образ, лежащий в основе этого выражения, был широко распространен и в древнерусской письменности. В «Хождении Арсения Селунского» встречается фраза «глас истечет», привлекающая внимание А. В. Маркова, который и сопоставил с ней выражение *источный* голос. А. В. Марков признал это выражение чисто русским⁴⁴.

Однако это слово могло возникнуть лишь в книжном языке. Оно носит явную печать книжно-славянизма. Оно также относится к глаголу *истечь* (ср. *источать*), как *проточный* (*проточная* вода) к *протечь*. Между тем глаголы *истечь* и *источить* (излить) — старославянского происхождения (ср. *по истечении времени*; *истекий*; ср. русский *вытечь*). Следовательно, и в слове *источный* необходимо признать книжно-славянское выражение, хотя и появившееся на русской почве (ср. «Материалы» И. И. Срезневского). Ср. у П. И. Мельникова-Печерского в романе «В лесах» и «На горах»: «Заревела в *источный* голос — отчаянный безнадежный, последний». Проф. Е. Ф. Будде ошибочно относил это выражение к северновеликорусским⁴⁵.

⁴² Даль 2 II, стр. 58.

⁴³ «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 76.

⁴⁴ А. В. Марков. Родина паломника Арсения Селунского. — РФВ 1914, № 2, стр. 557.

⁴⁵ Е. Ф. Будде. Сочинения П. И. Мельникова (Андрея Печерского) как лексический материал русского литературного языка. — «Zbornik u slavu Vatroslava Jagića». Berlin, 1908, стр. 227.

Слово *дотошный* (*дотошный*) относится к области устно-фамильярной разговорной речи. Оно значит: 'стремящийся разобраться во всем до мелочей, старательный и аккуратный'. Это слово, судя по его фонетическому облику (*дотошный*; но ср. *точный*, *дотошный*) проникло в литературный язык из живой народной, и притом южновеликорусской, речи сравнительно поздно и подверглось здесь отчасти влиянию книжного выговора. Действительно, слово *дотошный* не указано ни одним толковым словарем русского литературного языка до появления «Опыта областного великорусского словаря» (1852). Здесь находим:

«*Дотбчный, ая, ое, пр.* Искусный, знающий в точности дело, Моск. *Верейск.* Симб.

Дотбшник, а, с. м. Искусный человек. *Какой он дотошник!* Пенз. *Городищ.* *Дотошно, нар.* Подлинно, действительно, в точности. *Уж я это знаю дотошно.* Пенз. *Городищ.* *Дотошный, ая, ое, -шен, -шна, о, пр.* То же, что *дотбчный.* Моск. *Дмитр.* Пенз. *Сарат.»* (49).

Таким образом, это слово сначала отмечается в среднерусских и южновеликорусских говорах. Отсюда оно и внедряется в литературную речь 20—30-х годов XIX в.

И. И. Лажечников в 1824 г. в список провинциализмов, записанных им в Саратовск. губ., поместил: «Сквалы́га (скупец), прощелы́ка (насмешник), рохля (непроворный), *дотошный* (искусный, умный), до́ка (сведущий), юла́ (вертопрах), трущоба (чаща лесная), зря (некстати)».

И. И. Лажечников стал пользоваться словом *дотошный* (*дотошный*) при воспроизведении речи персонажей из народа. Так, в «Ледяном доме» (ч. 2, гл. V): «А коли ты спросишь, для какой потребности петух, и кошка, и смоляная бочка, не могу тебе в ясность порассказать, растолковать. Старики ж наши про то знавали *дотошно*; видно, умнее нас бывали».

У того же И. И. Лажечникова в романе «Последний Новик» (ч. 1, гл. 5): «Я знаю, как ты *дотошен* на эти дела» (на лечебные).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *дотошный*—*дотошный* уже рассматривается как слово общерусское: «*Доточный, дотошный, доточливый, ср. дотошливый* прл., *доточник м. доточница ж. (дотекать, доходить)* мастер своего дела, искусник, сведущий и опытный, дошлый, дока; доходчивый, дотéчный. *Мастер дотбчный, да хмель оброчный*»⁴⁶.

Однако акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» (т. I, 1895, стр. 1156) расценивает слово *дотошный* как

⁴⁶ Даль 2 I, стр. 498.

простонародное. Он поясняет его синонимами *доскопальный* и *дошлый* и иллюстрирует его употребление примером из романа Мельникова-Печерского «В лесах»: «Парень ты золотой, до всякого нашего дела *дотошный*». И тут же приводится поговорка: «Мастер *дотошный*, — да хмель оброчный». Ср. *дотошник*.

Для характеристики народно-областной этимологической семантической почвы, на которой возникло слово *дотошный*, *дотошный*, можно привести несколько параллелей.

Проф. С. К. Булич в своих «Материалах для русского словаря» собрал некоторые данные об употреблении слова «*Источник* — выдумщик, искусник, чудаки. Мёдуши». У Даля, Подвыс. и в Обл. Сл. пет. Доп. к Обл. Сл. «*источница* — мастерица, искусница, Кур. (Обоян.) у., (стр. 323), *истощник* — мастер на все руки. Алтайск.»⁴⁷.

⁴⁷ С. К. Булич. Материалы для русского словаря. СПб., 1896, стр. 10.